

и приятный гость — мальчик Дэвид Бруклин Рид. Которому до четвертого дня рождения оставалось всего три месяца.

Его пришлось вытаскивать из запечатанной пленой сумки сумки, чтобы убедиться факт смерти. Уж в этом-то сомне- ний никаких не было. Бедный мальчик был мертв, не могло быть инако. Он лежал на спине, на руке своего ползучаго жемчужника, футболка с надписью «Милл Х» задрана до са- мых подмышек. Большие на нем ожады не было.

Еще раз свернула встали 1 сангрия все краски в детали, оставили отпечаток на сетчатке, который долго не хотел ис- чезать.

В углу, закрыв глаза, стоял детектив-сержант Лоренс Мо- крин; он пытался придумать, что скажет матери ребенка ког- да Дэвид Рид. Ее сын пропал три месяца назад. Три месяца неизвестности. Три месяца надежд, что он вернется живым.

Ему всегда нравились мертвые вещи. Их изысканный хо- лод. Их прикосновение к коже. Густой сладкий запах, кото- рый они испускали при разложении, возвращаясь на небеса к Господу.

Вещь в его руках была мертвой совсем недолго.

Всего лишь несколько часов назад она была полна жизни.

Она была счастлива.

Она была грязной, порочной и отвратительной...

Но сейчас она была безупречна.

Едва касаясь, он благоговейно положил ее на самый верх кучи, вместе с другими. Все они когда-то были живыми, куда-то спешили, были шумными, грязными, порочными и отвратительными. Но сейчас они были с Господом. Они успо- коились.

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул, купаясь в запахах. Од- ни запахи были легкие и свежие, другие тяжелые и жирные. Но все они были восхитительны. Для Бога так должно пахнуть все, подумал он, улыбаясь, рассматривая свою коллекцию. Так, должно быть, пахнет на небесах. В окружении смерти.

Губы его растянулись в широкой улыбке. Ему уже пора принять лекарство. Но не сейчас. Время еще не пришло.

Столько мертвых вещей еще доставят ему наслаждение.

2

Шел дождь, как будто с неба кто-то непрерывно мочился. Дождевые капли барабанили по стенам и крыше синей нейлоновой палатки специальной оперативной службы, хотели прорваться в замкнутое пространство, пытались заглушить равномерное гудение портативных генераторов, делая всякое общение невозможным. Да и не очень-то хотелось разговаривать в понедельник в четверть первого пополудни.

Тем более с Дэвидом Ридом, который там лежал. На стынувшей земле.

В одном из углов палатки был огорожен специальной синей лентой отрезок отводной канавы длиной полтора метра. Черная жирная вода блестела под огнями фонарей. Остальная часть палатки закрывала участок речного берега и смешанную с грязью желтую осеннюю пожухлую траву.

Внутри палатки было тесно. В ней находились четыре констебля из абердинского Бюро идентификации, одетые в тонкие белые комбинезоны: двое покрывали все что можно порошком для снятия отпечатков пальцев и лепили повсюду клейкую ленту, третий фотографировал, четвертый снимал место преступления на видеокамеру, наверное, для потомков. Плюс бледный до синевы констебль из местной полиции, дежурный медик, изнуренного вида детектив-сержант

и почетный гость — малыш Дэвид Бруклин Рид. Которому до четвертого дня рождения оставалось всего три месяца.

Его пришлось вытащить из заполненной холодной водой канавы, чтобы установить факт смерти. Уж в этом-то сомнений никаких не было. Бедный мальчик был мертв, и мертв давно. Он лежал на спине, на куске синего полиэтилена, всем напоказ, футболка с надписью «Люди X» задрана до самых подмышек. Больше на нем одежды не было.

Еще раз сверкнула вспышка, сжигая все краски и детали, оставляя отпечаток на сетчатке, который долго не хотел исчезать.

В углу, закрыв глаза, стоял детектив-сержант Логан Макрэй; он пытался придумать, что скажет матери маленького Дэвида Рида. Ее сын пропал три месяца назад. Три месяца неизвестности. Три месяца надежд, что сын вернется живым и здоровым. А все это время он лежал мертвый в канаве.

Логан провел ладонью по лицу: щетина царапала пальцы. Черт, убил бы за сигарету. И вообще он не должен был здесь находиться!

Он взглянул на часы и застонал, воздух вырвался изо рта облачком белого пара. Прошло уже четырнадцать часов с тех пор, как он приступил к дежурству вчера утром. Слишком много для приятного возвращения к нормальной жизни.

Холодный ветер ворвался в палатку, Логан открыл глаза и увидел, как забежала внутрь фигура в блестящей от влаги одежде. Прибыл судебно-медицинский эксперт.

Доктор Исобел Макалистер: возраст — тридцать три, волосы коротко подстрижены, брюнетка, рост — метр шестьдесят два. Издает тихие мяукающие звуки, когда ее нежно покусывают за внутреннюю поверхность бедра. Одета в безупречно сидящий на ней серый брючный костюм и элегантное черное пальто, правда, эффект немного портят громадные резиновые сапоги, голенища которых хлопают ее по коленям.

Профессиональным взглядом она обвела заполненную людьми палатку и застыла, встретив взгляд Логана. Неуверенная улыбка вспыхнула на ее лице и сразу погасла. И не-

удивительно, принимая во внимание то, как он выглядел. Небритый, мешки под глазами, промокшие под дождем курчавые каштановые волосы топорщатся во все стороны.

Исобел разомкнула губы, но ничего не сказала.

Дождь барабанил по крыше палатки, фотокамера щелкала и жужжала, пока вспышка подзаряжалась, генераторы гудели. Но в то же время казалось, что стояла оглушительная тишина.

Дежурный медик нарушил всеобщее оцепенение, чертыхнувшись.

Он стоял на одной ноге, трясся зачерпнувшем воды ботинком.

Исобел сделала профессиональное лицо.

— Факт смерти установлен? — спросила она; ей приходилось повышать голос, чтобы ее было слышно в этом шуме.

Логан вздохнул: момент был упущен.

Дежурный врач подавил зевету и указал на маленький раздутый труп в центре палатки:

— Ага, мертвый, все в порядке...

Он глубоко засунул руки в карманы и звучно шмыгнул носом.

— Если вам хочется знать мое мнение, мертв он давным-давно. По меньшей мере, месяца два уже.

Исобел кивнула и поставила медицинскую сумку на подстилку рядом с трупом.

— Возможно, вы правы, — сказала она, опустившись на корточки и внимательно рассматривая мертвого ребенка.

Пока Исобел натягивала резиновые перчатки и распаковывала инструменты, доктор стоял, приподнимаясь на носках и опускаясь, отчего под его ногами хлюпала грязь.

— Ну хорошо, — сказал он наконец, — крикните, если что-нибудь понадобится, о'кей?

Исобел пообещала крикнуть, дежурный медик кивнул, извинился и, протиснувшись мимо Логана, шагнул в намокшую от дождя ночь.

Логан сверху вниз посмотрел на макушку Исобел, вспоминая все, что он собирался ей сказать, как только снова ее

увидит. Чтобы все опять стало хорошо. Чтобы наладить все, что развалилось в тот день, когда Энгус Робертсон отправил его по путевке на тот свет. Но когда бы Логан ни воображал этот момент их встречи, в нем никогда не присутствовало тело убитого трехлетнего мальчугана, лежащее на земле как раз между ними. Это действовало угнетающе.

И вместо всего, что хотел сказать, он спросил:

— Можете назвать время смерти?

Исобел перевела взгляд с разлагающегося тела на него и слегка покраснела.

— Доктор Вилсон не ошибся, — сказала она, отведя глаза. — Два, может быть, три месяца. Скажу точнее после проведения вскрытия. У вас есть его личные данные?

— Дэвид Рид. Три года. — Логан вздохнул. — Был в списке пропавших с августа.

— Бедный мальчик. — Исобел достала из сумки наушники, надела их, проверила микрофон. Вставила в диктофон новую пленку и начала осматривать малыша Дэвида Рида.

Половина второго ночи, никаких признаков того, что дождь собирается успокоиться. Детектив-сержант Логан Макрэй стоял возле кривого дуба, прячась за деревом от ветра, и наблюдал, как в палатке специальной оперативной службы молниями сверкала вспышка фотографа. С каждой вспышкой фигуры находившихся внутри людей проявлялись на синей ткани палатки, как силуэты страшной пьесы театра теней.

Четыре мощных прожектора шипели под струями проливного дождя, заливая пространство резким белым светом, генераторы пыхтели, вокруг них клубился синий дизельный дым. Холодная дождевая вода шипела, падая на горячий металл. За пределами этого светового круга стояла беспросветная чернота.

Два прожектора были направлены на ту часть канала, которая выходила из-под палатки специальной оперативной службы. Запоздалый ноябрьский дождь залил канал доверху, мрачнолицые полицейские водолазы, одетые в темно-синие неопреновые водолазные костюмы, стояли неболь-

шой группой по пояс в воде. Два человека из Бюро идентификации, помогая себе проклятиями, пытались закрепить над водолазами еще одну палатку, но проигрывали битву с дождем и ветром в попытке спасти следы преступления от разыгравшейся непогоды.

В стороне, метрах в трех, несла свои воды река Дон, молчаливая, вспухшая и смолисто-черная. Пятна света плясали на ее поверхности: лучи прожекторов отражались в темной воде, проливной дождь дробил их и составлял из осколков новые образы. Если Абердин и производил что-либо, как предполагается, то это был дождь.

В верхнем течении река размывала берега в десятках мест, залила прилегающие поля и превратила их в озера. Отсюда до Северного моря было меньше мили, и вода прибывала быстро. На другой стороне реки, за полосой голых деревьев, поднимались многоэтажки Хэйтона. Пять невыразительных прямоугольников с пятнами холодно-желтых огоньков как будто плавали в потоках дождя, постепенно исчезая из виду. Ночь была ужасная.

Собранная в срочном порядке разыскная команда при свете ручных фонариков шаг за шагом прочесывала берег реки вверх и вниз по течению, хотя было так темно, что едва ли удалось бы что-нибудь найти. В утренних новостях это будет хорошо смотреться.

Шмыгая носом, Логан засунул руки глубже в карманы, повернулся и посмотрел вверх на холм, туда, где поблескивали белые огоньки телевизионных камер. Журналисты слетелись вскоре после того, как он приехал, горя желанием хоть краем глаза увидеть кусок мертвечины. Сначала появились репортеры местной прессы, бросавшиеся с вопросами на любого в полицейской форме; потом приехали большие мальчишки, корреспонденты Би-би-си и Ай-ти-ви с их камерами и серьезными лицами.

Полиция Грэмпиана распространила стандартное заявление, полностью лишенное каких-либо деталей. И только Господу, наверное, было ведомо, что эти корреспонденты узнали и о чем хотели бы поговорить.